

му принципу. Основная доля материальных и финансовых ресурсов направлялась в отрасли тяжелой индустрии и в обслуживающие ее производства [3, с. 58]. Производство ради производства продолжало доминировать над производством предметов потребления.

Список использованных источников

1. Константинов, Ю. Переводный рубль в хозяйственном механизме социалистической экономической интеграции / Ю. Константинов // Плановое хозяйство. – 1981. – № 4. – С. 24 – 28.
2. Лукьянов, П. Г. Новейшая история стран Центральной и Восточной Европы (1944–2000 гг.): учеб. пособие / П. Г. Лукьянов. – Могилев, 2002.
3. Лукьянов, П. Г. История Совета Экономической Взаимопомощи / П. Г. Лукьянов. – Могилев, 2004.
4. Международные экономические и научно-технические организации стран – членов СЭВ: справ. материалы. – М., 1980.
5. Мещеряков, В. В. СЭВ: принципы, проблемы, перспективы / В. Мещеряков, Б. Поклад, Э. Шевченко. – М., 1975.
6. Микульский, К. И. Социализм – мировая система / К. И. Микульский. – М., 1987.
7. Петрик, В. В. Высшее образование СССР как фактор укрепления международного сотрудничества в области подготовки специалистов (конец 50-х – начало 90-х гг. XX в.) / В.В. Петрик // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – Вып. 7. – 2007. – С. 132–136.
8. Пихорович, В. Д. Невостребованная альтернатива рыночной реформе 1965 года: к 80-летию со дня рождения В. М. Глушкова / В. Д. Пихорович // Марксизм и современность. – 2004. – № 1. – С. 101–111.
9. Прокофьев, Ю. А. К вопросу об экономическом партнерстве СССР и стран восточной Европы в 1945 –1991 гг. / Ю. А. Прокофьев // Власть. – Вып. 5. – 2014. – С. 152–155.

*Ю. Е. Ивонин, профессор,
Смоленский государственный университет*

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЕВГЕНИЯ САВОЙСКОГО В ПЕРВЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ КАМПАНИЯХ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Выдающийся австрийский полководец конца XVII – первой трети XVIII в. принц Евгений Савойский прославился не только победами над турками на Балканах, но и победами в войнах против Франции, особенно во время войны за Испанское наследство в 1701–1714 гг. Будучи принцем крови Франции и желая прославиться как военачальник, этот «маленький монах», как его звали при дворе французского Короля-Солнце Людовика XIV, недолголюбивавшего своего родственника и не желавшего, чтобы он сделал военную карьеру, двадцати лет от роду сбежал на восток и поступил на службу к императору Священной Римской империи Леопольду I. При снятии осады Вены турками осенью 1683 г. он проявил себя с наилучшей стороны и вскоре стал занимать все более и более высокие посты в войсках Империи. Одна победа сменяла другую, в результате чего он становился гене-

ралом, а затем и фельдмаршалом. Вообще это распространенное мнение, что свои победы в войнах принц Евгений совершал от обиды на французского короля. Так это или не так, но главным побудительным мотивом в военной карьере его преобладали стремления прославиться и разбогатеть. В этом смысле Евгений Савойский был, конечно, ярким примером носителя ценностей крупной земельной аристократии своего времени. В течение почти трех веков после завершения его деятельности возникло и даже укрепилось представление о Евгении Савойском как о германском герое, полюбившемся в 1938 г. в связи с аншлюсом, т.е. присоединением Австрии к Германии. Но действительный патриотизм Евгений Савойский испытывал по отношению к монархии Габсбургов, которой он служил до конца своих дней [11, с. 12–17]. И дело не только в том, что он сразу же при первом появлении в имперской армии был зачислен офицером, а скорее в верности поддерживавшему его габсбургскому генералитету и венскому двору.

Евгений Савойский прославился как победитель в сражениях и кампаниях как на Балканах против турок, так и против французских армий на Западе и в Италии. Особенно знаменательными были его походы и сражения на севере Италии во время войны за Испанское наследство 1701–1714 гг., в которой в качестве активного игрока против Франции принял участие принц Евгений. Но еще до этих событий Евгений Савойский показал себя как инициативный и смелый военачальник в двух кампаниях в Италии. Итальянская политика императора Леопольда I была, конечно, направлена на сохранение позиций династии Габсбургов на Апеннинах. Она имела затруднения из-за двойственной позиции савойского герцога Виктора Амедея II (Витторе Амедео II), который колебался между Веной и Версалем. Но именно эти колебания савойского герцога сыграли значительную роль в дальнейшей военной и политической карьере принца Евгения. В чине генерала кавалерии он прибыл в Италию летом 1690 г. Между тем Виктор Амедей вопреки советам принца Евгения решился на сражение с французами при Стаффарде 18 августа 1690 г. Лишь грамотные действия Евгения Савойского спасли савойские и испанские войска от полного поражения. В начале апреля 1691 г. принц Евгений обсуждал в Вене положение в Италии. Поскольку Евгений был родственником Виктора Амедея, выбор руководителя итальянской кампании пал на него. Активные действия французской армии заставили Виктора Амедея пойти на заключение мира с Францией в Турине в 1696 г., и он опять стал проводить политику лавирования между Францией и Империей. В следующем году Евгению Савойскому с трудом удавалось удерживать позиции имперской армии в Северной Италии. Несколько изменившаяся позиция Виктора Амедея в сторону Франции препятствовала продвижению имперских войск в Савойе и Пьемонте. Все это привело к заключению соглашения о нейтралитете в Италии. Но на этом, выражаясь словами М. Браубаха, итальянская трагикомедия не закончилась. Главную задачу, т.е. сковывание значительных сил противника в Северной Италии, Евгений Савойский выполнил. Впереди ждали победы над турецкими войсками на Балканах, а затем новая итальянская кампания. Давно уже ожидавшаяся смерть бездетного и больного испанского короля Карла II стала фактом 1 ноября 1700 г. Планировавшийся ранее согласно его завещанию в качестве наследника сын курфюрста Баварского Иосиф Ферди-

нанд умер в 1699 г., что создало сложную ситуацию в вопросе о престолонаследовании. Претендентами на испанский трон стали племянник короля эрцгерцог Австрийский Карл (будущий император Карл VI) и внук французского короля Людовика XIV Филипп Анжуйский. Карл II стремился обеспечить единство всех испанских владений и подписал завещание под влиянием профранцузского кардинала Портокарреро в пользу Филиппа Анжуйского, хотя и при условии, что Испания и Франция не будут единой монархией. Завещание испанского короля вызвало раздражение в Вене. В Лондоне и Гааге, в свою очередь, были недовольны тем, что в Версале признали Карла Стюарта, сына английского короля в изгнании Якова II, английским королем в случае смерти Вильгельма III Оранского. Если Леопольд I проявлял определенную сдержанность, то его наследник будущий император Иосиф I и его окружение, к которому теперь принадлежал и Евгений Савойский, явно настаивали на противодействии Версалю. Вена немедленно начала переговоры с Лондоном и Гаагой. Правда, сам Вильгельм III довольно осторожно отнесся к предложениям Хофбурга (императорский дворец в Вене – Ю. И.). В Вене опасались и за судьбу имперских ленов в Северной Италии, на которые мог бы начать претендовать новый испанский король. В результате предварительных переговоров стала складываться коалиция в составе императора, курфюрста Бранденбургского, которому в 1701 г. был дарован титул «короля в Пруссии» (т.е. на территории Бранденбурга он оставался курфюрстом – Ю. И.) за готовность помочь императору в войне за испанское наследство, курфюрста Пфальцского, Дании, Англии и Республики Соединенных провинций. В числе союзников Франции оказались курфюрст Баварский Макс II Эмануэль, мечтавший об Испанских Нидерландах, герцог Савойский, король Португальский и курфюрст Кельнский. Силы обеих коалиций были примерно одинаковыми, что и обусловило затяжной характер войны. 7 марта 1701 г. в Гааге между Империей, Англией и Соединенными провинциями был заключен договор об объявлении войны Людовику XIV и предложении нового варианта раздела наследства Карла II, при котором Филипп V Анжуйский оставался все же испанским королем. Политическая коалиция скреплялась военным договором, согласно которому должны были проводиться согласованные военные действия имперской армии под командой Евгения Савойского и армии морских держав под командой герцога Мальборо [1, с. 608–619; 7, с. 97–104, 110–111; 19, с. 450–455; 20, с. 260;].

Новоиспеченный испанский король Филипп V прислал в Вену своего посла с предложением предоставить ему инвеституру на Миланское герцогство и Сиену. В то же время папа Климент XI, которого явно провоцировал Людовик XIV, не был готов передать эрцгерцогу Карлу папские лены Неаполь и Сицилию. Герцог Тосканский признал Филиппа V и получил от него инвеституру на Сиену и Понтремоли. Этому примеру последовали и многие итальянские князья. Отправленный из Вены в Италию граф Капельбарко встретился со многими трудностями. Губернатор Милана граф Водемон заявил, что будет защищать интересы испанского короля, миланская аристократия разделилась на проимперскую и происпанскую партии, и только последовавшее вскоре появление армии Евгения Савойского под стенами Милана заставило Водемона склониться на сторону Вены. Новая итальянская кампания принца Евгения была превентивным ответом Вены

на действия итальянских князей. В феврале 1701 г. он получил приказ двинуться со своей армией в Северную Италию. Поскольку все известные проходы в Альпах были блокированы французскими войсками, Евгений Савойский должен был провести свою армию горными тропами через Альпы из Тироля. Евгений Савойский долго размышлял над этим приказом. Конечно, с армией в 32 тысячи человек выиграть войну за испанское наследство было невозможно, но скоординированные объединенные и решительные действия с союзниками давали определенные шансы [6, с. 105–106; 7, с. 248–251; 10, с. 306–307].

Поход начался в мае того же года. Он был в известной мере подобием знаменитого перехода через Альпы войск великого карфагенского полководца Ганнибала в древности, но по другому маршруту и к тому же с преодолением горных круч. В конце XVIII в. еще раз Альпы перейдет со своей армией в еще более суровых условиях и с боями выдающийся русский полководец А. В. Суворов. Поход Евгения Савойского был довольно рискованным еще и потому, что его армии противостояли войска из французов, испанцев и савойцев в количестве 50 тысяч человек; это было слишком много для активных наступательных действий имперской армии. Целью похода было направиться на зимние квартиры южнее реки По, чтобы активизировать действия сильной проимперской партии в Неаполе. Переход был трудным. Драгуны, спешившись, действовали как обычные пехотинцы, а их лошади использовались в качестве вьючных животных. Пушки перетаскивались через вершины на веревках вручную и при помощи рычагов. После трех дней невероятного напряжения войска Евгения Савойского вышли к окрестностям Вероны и разбили первый лагерь на земле Венецианской республики [8, с. 138; 21, с. 144–145].

9 июля этого же года Евгений Савойский нанес поражение французской армии под командованием маршала Катина при Карпи, что вдохновило участников Великого Альянса на его восстановление. 1 сентября в бою у Ольо близ Чьяри он нанес поражение сменившему Катина другому французскому маршалу Вильруа. Успехи принца Евгения произвели значительное впечатление на североитальянских вассалов Империи. Леопольд I потребовал от Генуи и Савойи повторить получение инвеституры от Империи. Великий герцог Тосканский Козимо III поспешил возобновить переговоры с Веней о получении инвеституры. Его примеру последовали и другие итальянские ленники императора. Эта линия особенно усилилась после того, как союзники Вены, т.е. Лондон и Гаага, в 1703 г. объявили, что целью войны является восстановление власти эрцгерцога Карла в Испании и ее колониях. Но еще до этого заявления в течение 1702 г. Евгений Савойский весьма успешно действовал со своей армией в северной Италии. В начале года он осуществил гусарский рейд, двинувшись в феврале на Кремону, правда, не совсем удачно, хотя в плен был захвачен маршал Вильруа. Этот рейд и другие действия принца Евгения были типичными для тактики «малой войны», или партизанской войны, как ее называли бы в наше время, проводившейся для того, чтобы беспокоить противника, сохраняя при этом собственные дорогостоящие войска наемников. В докладах императору из Луццары и Остиана в январе и марте 1702 г. Евгений Савойский подчеркивал, насколько сложным было действительное положение его армии и ка-

кие ему приходилось совершать маневры с целью укрепления своих позиций в северной Италии. Успехи Евгения воодушевляли Вену, однако просямая им и в самом деле необходимая помощь поступала не сразу. Но настойчивые просьбы полководца прислать воинские контингенты и провиант все же привели к укреплению положения имперских войск в Северной Италии [1, с. 621; 6, с. 128–129; 18, с. 235, 240–243, 278–279; 19, с. 457; 21, с. 146].

Далее Евгений Савойский планировал снять осаду Мантуи французской армией под командой герцога Луи Вандомского, двоюродного племянника Людовика XIV. Происшедший бой под Луццарой завершился неопределенным результатом: по нормам того времени считалось, что тот, кто остался на поле боя, тот и победитель. Этим оставшимся был Евгений Савойский. Результатом этой победы была очередная переориентация герцога Виктора Амедея на императора, что должно было привести к изменению ситуации в Северной Италии в пользу имперских войск. Однако решительные действия герцога Вандомского спутали планы имперского полководца. 26 июля этого же года французы нанесли поражение савойской армии под командой Висконти при Санта-Виттория, а 15 августа герцог Вандомский одержал победу над самим Евгением Савойским при Луццаре. Одерживал он победы над имперскими войсками также в 1703 и 1705 гг. Правда, австрийские историки К. Воцелка и М. Хохедлингер считают, что положение в Северной Италии не изменилось ни в ту, ни в другую сторону. Французы сохранили с помощью превосходящих сил Мантую и области к югу от По. В любом случае, 1702 г. показал недостатки австрийской военной машины в смысле скудости финансов и людских резервов. В начале 1703 г. Евгений Савойский сдал командование графу Гвидо Штарембергу и уехал в Вену, где он получил новое назначение. Положение же в Северной Италии, вопреки мнению Ф. Блюша, оставалось очень неопределенным. Тактика Евгения Савойского заключалась в том, как видно из его писем Леопольду I летом 1702 г., чтобы потерять как можно меньше людей и с помощью разнообразных маневров избегать прямых столкновений с превосходящими силами противника [1, с. 621; 13, с. 178; 18, с. 416–417, 422–423; 21, с. 146].

Отзыв Евгения Савойского в Вену был вызван тем обстоятельством, что император решил направить его на германский участок военных действий. Как раз к этому времени окончательно определилась позиция Макса Эммануэля Баварского, одного из активных участников войн с турками в 80-х гг. ушедшего века. Макс Эмануэль был раздосадован тем, что испанская корона «уплыла» из рук Виттельсбахов. Надежды на то, что корона Габсбургов может оказаться в руках Виттельсбахов, в принципе также были призрачными. Оставался шанс утвердиться на посту наместника (штатгальтера) в Испанских Нидерландах, но ведь испанский король, хотя и приходился Макс Эмануэлю дядей, мог в любой момент отправить Макса с этого поста, который он занимал с 1691 г. Курфюрст Баварский сделал выбор в пользу Франции, надеясь удержать этот пост за собой. Совместные действия Макса Эмануэля и войск французских маршалов Виллара и Таллара вызвали беспокойство Вены и ее союзников. Французы нанесли поражение маркграфу Людвигу Вильгельму Баденскому, затем захватили важную крепость Брейзах в верхнем течении Рейна, наконец, нанесли поражение 20 сентября 1703 г. при Хохштедте имперской армии. Но Макс Эмануэль, гор-

деливый и заносчивый, не нашел общего языка с Вилларом. К тому же герцог Савойский Виктор Амедей в очередной раз оставил своих французских союзников и пошел на сближение с антифранцузской коалицией, что вызвало ослабление позиций Франции в Южной Германии. В этой обстановке Евгений Савойский был назначен в конце июня 1703 г. председателем Гофкригсрата (придворного военного совета), в качестве которого он оставался до конца своей жизни. Этим назначением он был обязан покровительству римского короля и будущего императора Иосифа I, который имел при дворе партию своих сторонников, называвшуюся партией «молодого двора» и отличавшуюся стремлением к проведению реформ и явной антифранцузской позицией. К этой партии принадлежали гофкаммерпрезидент и хороший финансист граф Гундакер Штаремберг, способный государственный деятель и дипломат граф Иоганн Венцель Вратислав, граф Филипп Людвиг фон Зинцендорф и воспитатель Иосифа I обергофмейстер князь Карл Теодор Зальм. «Молодой двор» стал центром оппозиции старым советникам Леопольда. Во время финансового кризиса 1702–1703 гг. наследник настоял на проведении реформ, которые должны были улучшить внутриполитическое положение, устранить трудности в снабжении армии и решить финансовые проблемы [5, с. 228–229; 6, с. 122–124; 13, с. 178–179; 19, с. 457–459]. Однако уже постаревший князь Зальм, человек вспыльчивый и несдержанный, с неодобрением смотрел на возвышение Евгения Савойского (он был старше того на 18 лет). Будучи педантичным и аккуратным службистом, происходивший из прирейнских графов, приходившийся родственником герцогам Пфальц-Нейбургским, он приобрел немалое влияние при дворе императора Леопольда, но сделал это уже в немолодом возрасте. Поэтому он недоброжелательно относился к возвышению Евгения Савойского, очевидно, полагая, что в случае смерти Леопольда I его самого могут оттеснить от кормила власти. Зальм с самого начала стал критиковать военные мероприятия Евгения Савойского, занимая фактически место первого министра при старом императоре и особенно при Иосифе I [9, с. 321–325].

Покровительство Иосифа, живого и темпераментного, ловеласа и бонвивана, страстного ненавистника Франции, во многом помогало Евгению Савойскому на посту председателя Гофкригсрата (придворного военного совета). Ему определенно приходилось преодолевать косность и малоподвижность в органах управления при Леопольде I с их старым австрийским принципом пускать дела на самотек. В начале войны за испанское наследство этот принцип показал свою несостоятельность, особенно когда обнаружилось, что армии Евгения Савойского в Италии явно не хватало денег, провианта и солдат. Именно поэтому были уволены председатель казначейства граф Залобург и президент Гофкригсрата граф Мансфельд, а на их места были назначены соответственно Гундакер Штаремберг и Евгений Савойский. В начале следующего года Иосиф создал «депутацию посредников» в составе Зальма, Евгения Савойского и Штаремберга, стал председательствовать на всех военных совещаниях. Гофкригсрат разработал по согласованию с выдающимся английским политиком и полководцем герцогом Мальборо стратегию, которая должна была привести к перелому в войне в пользу союзников. Но старые советники Леопольда не сдавались,

Иосиф даже был отстранен от участия в военных советах, в результате чего Евгений Савойский пригрозил отставкой. Совмещение функций главнокомандующего и президента Гофкригсрата позволяло Евгению Савойскому стать в полном смысле слова «полководцем нового типа», при котором армия инкорпорировалась в государство, а полководец мог одновременно выполнять функции военачальника, политика и дипломата. В этом смысле особенно значительной была деятельность Гофкригсрата, занимавшегося военным бюджетом и контролировавшего денежные расходы войск. Большую роль в деятельности Евгения Савойского играло также участие в выделенной из Тайного совета еще старым императором Тайной канцелярии, членами которой были наиболее доверенные советники: кроме Евгения Савойского, в Тайной Канцелярии состояли гофканцлер граф Зинцендорф и имперский вице-канцлер Фридрих Карл фон Шенборн, вошедший в круг доверенных лиц уже при Иосифе в 1709 г. Так формировался слой ведущих политиков, администраторов и военачальников, стремившихся к славе, приобретению престижа в обществе и экономического фундамента монархии и обеспечивших своей деятельностью становление Австрии как великой державы в будущем [9, 365–369; 12, с. 120–137; 17, с.16–19; 20, с. 328–329, 339].

Одним из первых шагов нового президента Гофкригсрата была организация в начале 1704 г. похода в Италию. Еще в июне 1704 г. в письме графу Гвидо Штарембергу, находившемуся в Италии, Евгений Савойский сообщал своему корреспонденту о переговорах в Англии о получении денежных кредитов и о разработке планов маневров с целью обойти знаменитую линию Вобана. Кампания, как видно, замышлялась на два фронта – на юге Нидерландов и в Италии [18, с.44–45]. Между тем Макс Эмануэль в декабре 1703 г. захватил Аугсбург и вторгся в Нижнюю Австрию, подойдя вплотную к Линцу, откуда открывался прямой путь на Вену. На востоке венгерские повстанцы под руководством трансильванского князя Ференца Ракоци, подстрекаемого французским королем, начали совершать рейды в направлении Вены. Возникли серьезные опасения, что баварская армия и повстанцы Ракоци смогут объединиться в самом сердце Австрии. Предотвратить эту опасную для Империи комбинацию можно было только действиями объединенных сил морских держав и Империи. Опасавшийся объединения баварских и венгерских сил герцог Мальборо двинулся со своей армией вопреки мнению голландских чиновников, считавших, что с целью экономии денег надо брать только крепости, в Баварию, куда также спешила дополнительная французская армия под командой Таллара. Уже с июня 1703 г. происходила оживленная переписка между ставкой Мальборо и Веной при активном участии Евгения Савойского и графа Вратислава. Мальборо успешно взаимодействовал с Савойцем и подумывал о том, где и как лучше объединиться с имперской армией, приостановив операции на Нижнем Рейне и Маасе. 6 января 1704 г. состоялась встреча курфюрстов Пфальцского и Майнцского с Зинцендорфом и голландским министром Алмело во Франкфурте, во время которой были подготовлены к возвращению Евгения Савойского из Пресбурга (Братиславы), где ему удалось снять осаду города повстанцами Ракоци, соображения о характере совместных действий [18, с. 44–45].

В самом деле, победы объединенных франко-баварских войск в Южной Германии угрожали выключением имперских сил из активных военных действий, что было опасно для англичан и голландцев. Разногласия между маршалом Вилларом и Максом Эмануэлем закончились тем, что Людовик XIV заменил Виллара более сговорчивым Марсеном. Успешная операция близ Маастрихта и удачная осада Бонна вдохнули было надежды на успех в герцога Мальборо. Эти надежды подкреплялись также известиями о действиях имперских войск под командой Евгения Савойского в Северной Италии. Мальборо намеревался, не вступая в крупные сражения, разрушить одно за другим французские укрепления линии Вобана, а уже потом устремиться на соединение с имперской армией Евгения Савойского и произвести совместные операции в долинах Мозеля и Дуная. Он прекрасно понимал, что задуманная им и Евгением Савойским кампания являлась единственной реальной возможностью ослабить Людовика XIV. Причина этого поступка заключалась не только в чисто военных расчетах, но и в стиле мышления имперских князей, считавших себя самостоятельными суверенами и ставивших свои интересы и мнения выше имперских [2, с. 82–83; 15, с. 59–64].

Вратислав постоянно находился в армии Мальборо и отправлял депеши Евгению Савойскому, который, в свою очередь, посылал донесения императору как о движении союзных войск, так и о перемещениях баварцев и французов (у Марсена и Таллара было свыше 50 тысяч человек). Армия Евгения Савойского, по его собственной информации, состояла из отрядов бранденбуржцев, отрядов из Пфальца, с верхнего Рейна, из вестфальских княжеств, а также венгерских гусар под командой графа Эстерхази, к которым принц Евгений имел ряд серьезных претензий [18 с. 111–113].

5 мая Мальборо двинулся маршем на юг и через три дня достиг Кобленца, где он впервые лично встретился с Евгением Савойским и Красавец Мальборо, храбрый, но рациональный и расчетливый, увидел человека маленького роста, похожего на монаха, но страстного и героического импровизатора на поле боя. Современники заметили, что оба они прониклись взаимной симпатией, понимали друг друга с полуслова, причем Евгений Савойский там, где основная военная идея принадлежала английскому полководцу, признавал его первенство, что вообще довольно редко встречается в жизни. Из Кобленца началось движение союзных войск через Вюртемберг в Баварию. Письма Евгения Савойского, направленные членам Гофкригсрата, полны сетований на разногласия с Людвигом Баденским, проблемы проходившей кампании, от которой он ждал «мало хорошего». То ли им в самом деле владела тревога за исход этой кампании, ибо войск у союзников по сравнению с франко-баварскими войсками было маловато, то ли он перестраховывался, нельзя сказать определенно. Противник был подготовлен хорошо – у него было достаточно артиллерии, провианта и амуниции, тогда как у Евгения не было уверенности в том, что все части имперской армии подойдут вовремя и будут обеспечены всем необходимым, ведь их посылали ему фактически независимые имперские чины, да и Людвига Баденского нельзя было заставить действовать так, как этого хотели Евгений Савойский и Мальборо. Относительно последнего можно только сказать, что в письмах, относящихся к этому походу, часто упомина-

ется о хорошем взаимодействии имперских войск с англо-голландской армией [18, с. 113–115, 120–121, 144–145].

Атаки имперской армии сковывали силы Марсена и Макса Эмануэля, не давая им возможности прийти на помощь Таллару, что как раз удачно использовал Мальборо, прорвавший кавалерийскими атаками оборону французской пехоты севернее Блиндхайма. Сражение, производившееся примерно равными силами и затянувшееся до поздней ночи, завершилось победой союзников. Это было сражение на полное уничтожение противника. С обеих сторон пало по разным оценкам от 11 до 12 тысяч человек, но в руках союзников оказалось 11 тысяч пленных. Это была первая по-настоящему крупная победа сил антифранцузской коалиции в этой войне. К.О. фон Аретин даже высказался в том духе, что эта победа сохранила Старую империю еще на столетие, отложив все разговоры о федеративном устройстве Империи на это же время [3, 129–137; 4, с. 77–104; 7, с. 35, с. 232]. Макс Эмануэль, потеряв свою армию, вернулся в Брюссель, сохранив за собой должность штатгальтера Испанских Нидерландов, но выбыв из активной политики.

Осенью этого же года Мальборо отправился через Трир в Гаагу, предварительно согласовав с Иосифом и Евгением Савойским план проведения в ближайшем году военного похода в Италию. Южная Германия была очищена от французских войск, Бавария временно перешла под юрисдикцию императора. В середине декабря Евгений Савойский находился в Ландсхуте в качестве штатгальтера Баварии, но, передав свои полномочия фельдмаршалам Гронсфельду и Эрбевиллю, он 30 декабря 1704 г. въехал в Вену, где его влияние в течение последующего полугодия сильно возросло [10, с. 83].

Евгений Савойский находился в ореоле славы. Но при дворе старого императора борьба за власть и влияние не только не ослабла, но даже усилилась. Принц Евгений и граф Вратислав пытались усилить свое влияние с помощью герцога Франсиско ди Пареты, последнего посла покойного испанского короля Карла II в Вене, которого очень ценил привлекая его к себе на службу Леопольд I. Усилению их влияния противились старые министры. Первое же столкновение произошло при утверждении должности штатгальтера Баварии. Евгений Савойский, рассматривавший Баварию как плацдарм для будущих военных операций в Италии, настаивал на назначении на этот пост графа Вратислава. Однако император склонился к кандидатуре графа Левенштейна, с чем Евгений Савойский не был согласен. Заседания Тайной конференции проходили в обстановке постоянных дискуссий и враждебности соперничающих партий, доносил в Париж французский агент, отмечавший также тайную ревность в отношениях между императором и его сыном. Эти столкновения напоминали худшие времена начала 90-х гг. и мешали Евгению Савойскому осуществлять запланированную им и герцогом Мальборо подготовку к новому итальянскому походу. Его письма к Мальборо, графу Гвидо Штарембергу, находившемуся тогда в Италии, и герцогу Савойскому были все же полны планов осуществить проект захвата Савойи и наступления через Дофине во Францию. Он вел переговоры по финансовым вопросам, о поддержке романоязычных кантонов Швейцарии, жаловался на проблемы в Австрии. «Я работаю день и ночь и употребляю

все силы для того, чтобы в ближайшем месяце феврале начать поход», – пишет он Гвидо Штарембергу 29 января 1705 г. [10, с. 102–103; 18, с. 309–311]. Но поход начался позже, нежели планировал Евгений Савойский.

Ему предшествовали значительные изменения в политике венского двора, связанные с перегруппировкой сил в управлении, вызванной смертью 5 мая 1705 г. старого императора Леопольда I и восшествием на престол Иосифа I. Евгений Савойский видел в Иосифе не только императора и господина, но и друга, который, помимо всего прочего, был решительно настроен против Франции. При этом императоре, правившем в 1705–1711 гг., принц Евгений достиг пика своей военной и политической карьеры, получив звания имперского генералиссимуса и имперского фельдмаршала. Но Иосиф I был склонен к удовольствиям, заводил многочисленные романы, финансовое положение короны при нем находилось в опасном положении. Он привел к власти членов «молодого двора», настроенного проводить реформы, но сам, как правило, не вникал в повседневные заботы управления. Конечно, Евгений Савойский использовал военную славу для утверждения своего положения в качестве ведущего имперского политика, но и тут он столкнулся с ревнивым и вспыльчивым князем Зальмом. Сам Иосиф I, безусловно, добился усиления роли императора и в Австрии, и в Империи, как и Леопольд I, благодаря военной ситуации, но его правление было кратковременным между долгими правлениями Леопольда I и Карла VI (1711–1740), что во многом способствовало возникновению его репутации как «забытого императора», по выражению американского историка Ч. Инграо. Его реформы в принципе носили решительный характер. Были сокращены лишние чиновники и члены Тайного совета, увеличены контрибуции. С другой стороны, пришедшая к власти группа его друзей не была единой. Зальм выступал против Евгения Савойского и Вратислава. Иосифу I, быстро увлекавшемуся и быстро остывавшему, многого не удалось осуществить. Финансовая поддержка Англии в сумме 250 тысяч ф.ст. предотвратила финансовый кризис и дала возможность продолжать войну. Но границы Империи были уязвимы из-за многочисленных и разбросанных ее владений. Что касается внешней политики, Иосиф I был скорее арбитром, нежели движущей силой в ее формировании. Конечно, проводить реформы в состоянии войны и кризиса было очень сложно, поэтому многие из них так и остались из области пожеланий [5, с. 231–233, 236; 8, с. 339, 438; 14, с. 1–2, 220–225; 19, с. 277–297, 460–461; 7, с. 140–141].

Вскоре после восшествия на престол этого императора Евгений Савойский при финансовой поддержке морских держав снова перешел Альпы и начал новую итальянскую кампанию в поддержку действовавшей там небольшой армии под командованием Гвидо Штаремберга. Безусловно, император Иосиф думал и о том, чтобы защитить территориальные интересы Австрии в Италии. В Испании в это время повсюду писали, что он заботится только о своих экономических и семейных интересах, не защищая интересы его же брата эрцгерцога Австрийского Карла, провозглашенного частью испанской аристократии королем Испании под именем Карла III. Этот же тезис с упреком в ущербности политики Иосифа для интересов безопасности Империи провозглашала малогерманская историография второй половины XIX в. [19, с. 260].

Уже в конце июня Евгений Савойский отправил императору реляции, в которых сообщал о продвижениях своих войск в Ломбардии и трудностях в обеспечении своевременного информирования о них императора и Гофкригсрата. Большие трудности заключались в том, как писал он имперскому союзнику герцогу Савойскому, что после обильных дождей реки разлились и перейти их без понтонов было невозможно, из-за чего продвижение имперской армии к Пьемонту задерживалось армиями противника. Он надеялся на помощь Пруссии и совместные действия с Англией и Голландией. Савойским генералам он рекомендовал прислать ему подкрепление, хотя одновременно ждал отрядов от прусского короля, а также из Вюрцбурга и Вюртемберга, «иначе эта война ничем хорошим не закончится» («*car autrement cette guerre n'ira jamais bien*») [18, с. 531–535, 584, 626–628].

В чем же тут дело? То ли это обычная хитрость, заключающаяся в том, чтобы потом оправдаться, что, впрочем, учитывая смелость, ответственность и представления о чести Евгения Савойского, маловероятно, то ли скорее типичная для Австрии экономическая и военная политика, когда постоянно не хватало денег и солдат? Во всяком случае, когда Евгений Савойский в январе 1706 г. приехал в Вену, он нашел изменившуюся ситуацию, при которой ему чинили немало препятствий при дворе в процессе подготовки к новым военным кампаниям. Если в декабре 1705 г. он просил Иосифа I освободить его от командования ввиду недееспособности армии, то теперь его мнение изменилось главным образом из-за того, что он теперь понял важность положения в Италии для исхода войны и судеб Европы [10, с. 128–129, 142–143]. Тем более, что в 1705 г. маршал Виллар одержал ряд побед на севере Франции над армией Мальборо. Решительные действия в Италии могли спасти союзников. Сам Евгений Савойский, посланный на выручку Карлу Австрийскому в Испанию, одерживал там ряд побед, в результате чего Людовик XIV и военный министр Франции Шамилляр отозвали герцога Вандомского с его армией из Италии, что дало союзникам шанс переломить ситуацию в этой стране в свою пользу. Войска Евгения Савойского и Виктора Амедея в течение нескольких месяцев захватили Миланское герцогство, Пьемонт и Савойю и устремились к Турину [1, с. 625–626], осажденному 30-тысячной французской армией под командой герцога Орлеанского. Этот решительный марш с армией в количестве 32 тысяч человек при частом соприкосновении с противником был совершен за 16 дней на расстояние 200 км (у Дельбрюка обе армии насчитывали примерно по 40 тысяч человек). И именно в это место, оборонявшееся примерно 12–13 тысячами человек, 7 сентября направил основной удар Евгений Савойский. В итоге армия герцога Орлеанского была разбита.

Список использованных источников

1. Блюш, Ф. Людовик XIV / Ф. Блюш. – М., 1998.
2. Ивонина, Л. И. Джон Черчилль, герцог Мальборо / Л. И. Ивонина // Вопросы истории – 2003. – № 6. – С. 72–93.
3. Ивонина, Л. И. Сражение при Бленхайме и его европейское значение / Л. И. Ивонина // Актуальные вопросы всеобщей истории – Вып.2. – Ростов-на-Дону. – 2003. – С. 29–137.

4. Ивонина, Л. И. Война за Испанское наследство. / Л. И. Ивонина. – Смоленск, 2010.
5. Шиндлинг, А. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия / А. Шиндлинг, В. Циглер. – Ростов-на-Дону, 1997.
6. Aretin, K. O. von. Das Alte Reich. Bd.2: Kaiserstradition und Österreichische Grossmachtpolitik (1684-1745) / K. O. von Aretin. – Stuttgart, 1997.
7. Aretin, K. O. von. Das Reich. Friedensgarantie und europäisches Gleichgewicht 1648–1806 / K. O. von Aretin. – Stuttgart, 1992.
8. Arneth, A. von, Prinz Eugen von Savoyen. Bd.1 / A. von Arneth. – Wien, 1864.
9. Braubach, M. Ein Rheinischer Fürst als Gegenspieler des Prinzen Eugen am Wiener Hof. / M. Braubach. – Bonn, 1969.
10. Braubach, M. Prinz Eugen von Savoyen. Eine Biographie. Bd. I / M. Braubach. – Wien, 1963.
11. Großegger, E. Mythos Prinz Eugen. Inszenierung und Gedächtnis / E. Großegger. – Wien; Köln, Weimar, 2014.
12. Heilindsetzer, G. Prinz Eugen und die Führungsschicht der österreichischen Großmacht 1683–1740. Österreich und die Osmanen. Prinz Eugen und seine Zeit / G. Heilindsetzer. – Wien, 1988.
13. Hochedlinger, M. Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683-1797 / M. Hochedlinger. – L., N.Y., 2003.
14. Ingrao, Ch. In Quest and Crisis. Emperor Joseph I and the Habsburg Monarchy / Ch. Ingrao. – West Lafayette, 1979.
15. Junkelmann, M. Feldzug und Schlacht von Höchstädt. Die Schlacht von Höchstädt. The Battle of Blenheim. Hrsg. von J.Erichsen und K.Heinemann / M. Junkelmann. – Ulm, 2004.
16. Kriege und Krisen. Deutschland 1600–1715. – München, 1991.
17. Kunisch, J. Prinz Eugen und der Staat. Der Typus des neuen Feldherrn. Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit / J. Kunisch. – Freiburg; Würzburg, 1986.
18. Militärische Korrespondenz des Prinzen Eugen von Savoyen. Hrsg. von F.Heller, Bd.1. – Wien, 1848.
19. Press, V. Joseph I (1705–1711) Kaiserpolitik zwischen Erbländen, Reich und Dynastie. Deutschland und Europa in der Neuzeit. Hrsg. von R.Melville, C.Scharf, M.Voigt und U. Wergenroth / V. Press. – Stuttgart, 1988.
20. Schilling, H. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648-1763 / H. Schilling. – Berlin, 1998.
21. Vocolka, K. Österreichische Geschichte 1699–1815. Glanz und Untergang des höfischen Welt. Representation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat / K. Vocolka. – Wien, 2001.

*Л. И. Ивонина, профессор
Смоленский государственный университет*

ГРАНИ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ И МЕТРОПОЛИИ ПОСЛЕ СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1688–1689 гг. В БРИТАНИИ

В историографии Славной революции отведено достойное место, и конечный вывод целого ряда исследователей, несмотря на различные направления и школы, сводится к вигскому тезису о том, что это событие «спасло Британию от революций столетием позже» [7, р. 185]. Между тем